

ческой, надуманной, а непосредственной, чисто мистической. Этот мистицизмъ опять-таки, кажется, не слукаень для насъ... Безконечныя снѣжныя равнины, пѣсни вьюги, длинныя сумерки и безконечные лѣса вмѣстѣ съ скорбью нашей жизни еще въ древности настроили душу русскаго человѣка на мистическій ладъ. Возьмите наши сказки, былины и, въ особенности, пѣсни—развѣ не чувствуется въ нихъ на ряду съ тоской глубокой тайны?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, развѣ можно Достоевскаго представить не русскимъ, а хотя бы нѣмцемъ или французомъ? Едва ли. Карамазовыхъ и Раскольниковыхъ могъ создать только Достоевскій, а не кто другой. Вспомнимъ и то, что главный упрекъ, брошенный западной наукѣ Соловьевымъ (и до него), былъ именно упрекъ въ излишкѣ рационализма и пренебреженіи «чувствъ»—мистичности...

Если принять во вниманіе другіе подобные примѣры, то можетъ-быть, не покажется страннымъ, что именно двѣ черты доминируютъ въ системѣ Толстого: мистицизмъ и любовь.

Исторія философіи знаетъ много «сущностей міра». Такими «сущностями» объявлялись то матерія, то духъ, то воля, то логосъ и т. д. Но едва ли въ какой-нибудь философской системѣ такъ рѣзко и ясно былъ объявленъ за «сущность вещей» Богъ, основнымъ атрибутомъ котораго является любовь, не знающая границъ и предѣла, любовь не «умственная», а непосредственно-живая.